DOI 10.30842/alp2306573715108

ПРАГМАТИКА ОСКОРБЛЕНИЯ: ИНТЕРАКЦИОННЫЙ ПОДХОД К УНИЖЕНИЮ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

Д. М. Колядов
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
dkoliadov@eu.spb.ru

Аннотация. В статье представлен анализ оскорбления во взаимодействии лицом к лицу с учетом точки зрения его участников. Оскорбление понимается в терминах теории вежливости как действие, угрожащее социальному лицу адресата. На основании методов конверсационного анализа показывается, каким образом участники конфликтного взаимодействия учитывают намеренность, серьезность и весомость угрожающих социальному лицу действий и демонстрируют друг другу свое понимание происходящего.

Ключевые слова: оскорбление, унижение, социальное лицо, угрожающее лицу действие, конверсационный анализ, теория вежливости, контекст, взаимодействие лицом к лицу.

The pragmatics of insult: an interactional approach to denigration of honour and dignity

D. M. Koliadov
Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
dkoliadov@eu.spb.ru

Abstract. In order to qualify a speech act as an insult, the expert must decide if the speech act: 1) represents denigration of another person's honour and dignity, and 2) was expressed in indecent form. Proving an act of denigration, however, is not so easy for experts as there is no strict legal/scientific definition of the categories 'honour' and 'dignity'. Therefore, in order to determine whether a particular speech act was denigrating for the speech interaction participants, one must inevitably

address the context of the speech act. The result may produce arbitrary qualifications based on experts' subjective notions of what is/isn't normal for the given participants in the given context. The article proposes a scientific definition of denigration in face-to-face interaction based on participants' viewpoints. It is argued that participants' subjective qualifications of interaction episodes can be objectively investigated. The problem of identifying speaker's actions as denigrating is reformulated in terms of the Brown and Levinson's theory of politeness. Honour and dignity are defined basing on the Goffman's concept of 'face'. Denigration is interpreted as an act that threatens addressee's 'face' and differs from other face-threatening acts (e.g., critical remarks, objection, conversational irony) in several respects, including in its being intentional, earnestly performed, and weighty enough. The methods of conversation analysis applied to a concrete example of conflict interaction lead to the conclusion that the participants of the interaction are well aware of the intentionality, weight, seriousness of their face-threatening actions and show their understanding of the situation to each other. The analysis of the participants' observable behaviour demonstrates that the denigrating character of particular utterances is of relevance to them.

Keywords: insult, denigration of honour and dignity, face, face threatening act, conversation analysis, theory of politeness, context, face-to-face interaction.

1. Постановка проблемы

По-видимому, можно утверждать, что для лингвистической экспертизы проблема унижения чести и достоинства в делах об оскорблении представляет самостоятельный интерес и не сводится к проблеме установления приличной или неприличной формы высказывания. С одной стороны, юридическое понимание оскорбления не является однородным. Оскорбление фигурирует не только в статье 5.61 КоАП РФ, но также в ряде статей УК, ГК, ТК РФ, причем «*неприличная форма*» не для всех из них является существенным признаком [Бринев 2017: 94–104; Изотова и др. 2016: 93]. С другой стороны, использование неприличных выражений (даже если эти выражения осуществляют референцию к адресату) не предполагает с необходимостью унижения чести и достоинства (о чем еще будет сказано ниже).

При этом, если установление приличности / неприличности формы кажется сравнительно непроблематичной задачей [Стернин и др. 2013: 3][1], то вопрос об унижении чести и достоинства представляется более трудным для разрешения. Отчасти эти трудности, вероятно, связаны с юридической неопределенностью понятий «честь» и «достоинство» [Базылев и др. 2004: 11–13]. Как утверждают авторы цитируемой работы, «объективных, тем более операциональных критериев для доказательства того, что „унижение чести“ имело место, в законе и текстах права вообще нет» [Там же: 12].

Вторая трудность состоит в том, что при квалификации спорного высказывания как направленного на унижение чести и достоинства неизбежно приходится учитывать контекст, в котором данное высказывание появилось (ср. [Жельвис 2004: 293; Изотова и др. 2016: 95]). При этом может иметься в виду как словесный контекст, частью которого является высказывание, так и внелингвистические обстоятельства.

При этом и сам контекст, и его соотношение с высказываниями, которые в нем появляются, могут пониматься по-разному. Так, И. В. Утехин приводит противопоставление «позитивистского» и «феноменологического» пониманий контекста[2]. В рамках первого понимания контекст рассматривается как информация «о некотором наборе характеристик среды, материальной и социальной, причем эти черты уже существуют в мире, независимо от действий людей, и мы можем определить, какие из них релевантны. При этом действия и контекст мыслятся отдельными друг от друга: действия происходят „в контексте“» [Утехин 2013: 92–93]. Этому пониманию противостоит «феноменологический» подход к контексту, в соответствии с которым контекст понимается как результат взаимодействия: «факты не даны заранее, а возникают как результат социального взаимодействия, открыты интерпретации и переинтерпретации и существуют лишь постольку, поскольку индивиды или группы распознают их и на них ориентируются» [Там же: 93].

Представляется, что как для отечественной научной традиции, так и для практики лингвистической экспертизы характерно именно первое — «позитивистское» — представление о контексте.

[1] Ср., однако [Бринев 2017: 123–126].

[2] О различных подходах к контексту см. также введение редакторов сборника «Rethinking Context» [Duranti, Goodwin 1992: 1–42].

Потенциальная оскорбительность того или иного выражения определяется исследователями на основании представлений о приемлемости / неприемлемости данных выражений среди представителей определенных социальных категорий. В качестве характерного примера можно привести следующую цитату из работы В. И. Жельвиса: «Юная девушка вправе оскорбиться, если в ее присутствии употребят слова типа „говно“ или „жопа“, а завсегдатая пивной может не задеть и самый грубый мат…» [Жельвис 2004: 293][3].

Такой подход к контексту, однако, не является вполне удовлетворительным при анализе коммуникативного взаимодействия, в том числе и в том, что касается вопроса об унижении / оскорблении. Дело не только в том, что можно привести контрпримеры, не согласующиеся с представлениями исследователей о манере общения и речевых привычках в тех или иных социальных слоях и средах. Проблема еще и в том, что, во-первых, если речь идет о цели говорящего [Изотова и др. 2016: 93–94], то необходимо показать, что действие является целенаправленным, намеренным, и, во-вторых, адресат (будь то юная девушка, пожилой профессор, завсегдатай пивной и т. д.) в конкретном случае может посчитать коммуникативное действие партнера унижающим, а может и нет. Иначе говоря, необходимо каким-то образом показать, что «унижение» было актуально для самих участников в момент взаимодействия.

Далее я хотел бы продемонстрировать возможное решение этой задачи, основанное на применении двух подходов из области лингвистической прагматики: теории вежливости и конверсационного анализа.

2. Методология

2.1. Теория вежливости

Одним из оснований теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1987] является понятие *социального лица*

[3] Ср. также экспертное заключение по делу «Мухамедова против Садальского», опубликованное в сборнике «Цена слова»: «Сам стиль „Экспресс-газеты“ и публикации в ней, по нашим наблюдениям, позволяют автору более свободно обращаться со словом, в каком-то смысле считать, что слово *б**дь* для круга читателей „Экспресс-газеты“ не бранное, а свое, „житейское“, находящееся на самой грани просторечной лексики» [Цена слова 2001: 33].

(*face*), взятое из концептуального аппарата И. Гофмана. Социальное лицо Гофман определял следующим образом: «положительная социальная оценка, на которую фактически претендует индивид, следуя определенной линии поведения, которой, с точки зрения других, он придерживается в ходе конкретного взаимодействия» [Goffman 1967: 5]. Поддержание социальных лиц участников, как полагал Гофман, происходит во взаимодействии постоянно, хотя и не является целью взаимодействия. При этом такая работа является совместной — социальное лицо каждого участника зависит не только от его собственных действий, но и от действий его партнеров [Там же: 27–31].

На мой взгляд, понятие «социальное лицо» оказывается очень близким к понятиям «честь» и «достоинство», во всяком случае к тем их определениям, которые были предложены в [Базылев и др. 2004: 12–13]: «С правовой точки зрения честь — это сопровождающееся положительной оценкой отражение качеств лица (физического или юридического) в общественном сознании. ⟨…⟩ Достоинство есть ощущение человеком своей ценности как человека вообще, конкретной личности, профессионала и т. д.». На этом сходстве я основываюсь, предлагая ниже операционализацию «унижения» в терминах теории вежливости.

Браун и Левинсон развили эти идеи Гофмана. Они несколько модифицировали понятие социального лица, выделив в нем два аспекта: позитивный и негативный. Позитивное социальное лицо, по сути, сводится к желанию индивида получать одобрение и положительную оценку со стороны других и оказывается очень близким к социальному лицу у Гофмана. Негативное социальное лицо определяется через желание индивида не подвергаться ограничениям со стороны других. Эти ограничения могут выражаться в претензиях других на материальные и символические ресурсы, которыми обладает индивид (материальная собственность, время и пространство, в т. ч. социальное, свобода действий) [Brown, Levinson 1987: 61].

Одна из целей Браун и Левинсона состояла в том, чтобы объяснить повсеместно распространенные формы речевого поведения, «отклоняющиеся» от прямых, непосредственных и, потенциально, наиболее эффективных способов коммуникации [Там же: 55]. Очевидным примером такого «отклоняющегося» речевого действия может быть выражение просьбы не прямо, в форме императива

(*дайте* / *скажите* / *сделайте* и т. п.), а в форме вопроса (*не знаете* / *не подскажете* / *не могли бы*…). С их точки зрения, подобные и многие другие формы речевого поведения (косвенные речевые акты), охватываемые понятием *лингвистическая вежливость*, индивиды используют для того, чтобы поддерживать социальные лица друг друга.

В модели Браун и Левинсона (важно подчеркнуть, что речь идет именно о модели, а не об описании реального поведения) рационально действующий агент стремится к тому, чтобы оценивать весомость потенциальной угрозы социальным лицам (своему и партнера по взаимодействию) и смягчать ее с помощью тех или иных конвенциональных (таких, например, как выражение просьбы в форме вопроса о способности адресата совершить некоторое действие) или неконвенциональных средств, адекватных угрозе.

Теория вежливости позволяет операционализировать понятие *чести и достоинства* (с помощью понятия *социального лица*), а также дает инструментарий для лингвистического анализа потенциально угрожающих социальному лицу адресата аспектов в конкретном высказывании. Эта теория позволяет установить исходя из формы высказывания с учетом некоторых контекстуальных параметров (власть, дистанция между участниками взаимодействия, «вес» угрозы определенного типа в определенном социокультурном контексте), насколько значимой может быть угроза, чему именно угрожает действие, присутствуют ли действия, направленные на смягчение угрозы, и т. п. При этом модель Браун и Левинсона позволяет учесть не только те выражения, которые осуществляют референцию к адресату (вопрос, который нередко возникает при разговоре об экспертизе высказываний, проходящих по статье КоАП 5.61), но и таких слов и выражений, где референции к адресату нет.

Одновременно применение этой модели порождает и существенные трудности с точки зрения рассматриваемой проблемы. Во-первых, теория вежливости охватывает слишком широкий спектр явлений: потенциально любое речевое действие содержит угрозу лицу. Достаточно сказать, что вопрос (независимо от его содержания) является претензией спрашивающего на время адресата и информацию, которой тот обладает, а также ограничивает свободу его действий (возможно, адресат не желал бы вступать во взаимодействие со спрашивающим). Во-вторых, модель Браун и Левинсона мало что говорит о том, как оценивают определенные действия

участники взаимодействия (как вежливые, грубые, нейтральные, в какой степени вежливые или грубые и т. п.), на что указывали критики теории вежливости (см. обзор [Руднева 2016: 218–220]).

Поскольку речь заходит о перспективе участников взаимодействия, продуктивным представляется обращение к другому подходу, находящемуся на стыке микросоциологии и лингвистической прагматики — конверсационному анализу (далее КА).

2.2. Конверсационный анализ

Прежде чем перейти к анализу материала, нужно остановиться на двух методологических положениях, существенных в данном контексте[4]. Во-первых, в центре внимания оказываются не изолированные высказывания, а последовательности, в которые эти высказывания складываются [Stivers 2013]. При этом о прагматике того или иного слова, высказывания или его фрагмента исследователь судит не только по разного рода эксплицитным комментариям говорящего (*я тебя предупреждаю…*, *я хочу сказать, что* / *имею в виду* / *и. т. п. …*; *сейчас я обращусь к критике данного подхода…*) или формальным лингвистическим признакам, указывающим на прагматику (ср. признак *неприличная форма* при анализе потенциальных оскорблений [Изотова и др. 2016: 94]), но и по тому, как организована последовательность взаимодействия. Чаще всего (хотя и не исключительно), внимание направлено на непосредственно примыкающие друг к другу реплики, поскольку ответное действие одного из участников показывает, как было воспринято предыдущее действие. Для иллюстрации этого тезиса можно привести пример из статьи И. В. Утехина [Утехин 2013: 82] (заимствованный из работы Герберта Кларка и несколько видоизмененный автором):

Что сказал А	Как понял Б	Как Б отреагировал
Присядьте здесь	Приказ	Есть!
Присядьте здесь	Предложение	Спасибо, я постою.
Присядьте здесь	Совет	Хорошая мысль

[4] Подробное изложение принципов КА можно найти, например, в [Levinson 1983: 284–370] (с лингвистической точки зрения) и [Heritage 1984: 232–292]. На русском языке см. также [Корбут 2015].

Другое принципиальное методологическое требование КА состоит в том, что исследователь, утверждая нечто относительно смысла и причин определенных высказываний, должен исходить из материала — а именно из того, что делают участники взаимодействия и что отражено в транскрипции. Так, например, если утверждается, что ход взаимодействия обусловлен институциональными ролями его участников (например, врача и пациента), исследователь должен показать, что эти роли оказываются актуальными для самих участников и это проявляется в их репликах [Drew, Heritage 1995: 20–21].

3. Анализ материала

Для того чтобы продемонстрировать возможности данного подхода, обратимся к анализу одного из эпизодов конкретного речевого события: взаимодействия между Филиппом Киркоровым и Ириной Ароян на пресс-конференции в Ростове-на-Дону в 2004 г.[5]

Киркоров — Ароян, пресс-конференция (20.05.2004, Ростов-на-Дону)[6]

(ФК — Филипп Киркоров, ИА — Ирина Ароян, АС — Анастасия Стоцкая, Ж1, Ж2 — журналисты)

ИА	**1** **2** **3**	тогда можно вопрос тогда к вам Филипп . скажите а чем обусловлено столь большое количество ремейков в вашем репертуаре: это нехватка новых мелодий //новых авторов или
ФК	**4** **5**	//а: назовите, пожалуйста количество ремейков э: в моем репертуаре . кроме Мама шика дам и Вива ля дива
ИА	**6**	а: Квин

[5] Главная причина, по которой был выбран данный материал, состоит в известности и доступности не только самого случая, но и экспертного заключения А. Н. Баранова [Баранов 2007: 537–552] по нему. Это дает читателю возможность критически взглянуть на представленный ниже разбор, сравнив его с существующим анализом, основанным на других методологических позициях.

[6] Транскрипция была сделана на основе двух источников: стенограммы пресс-конференции, доступной на сайте электронного журнала Текстология.ру <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=156>, и видеозаписи, размещенной в сети Интернет и доступной по адресу: <https://www.youtube.com/watch?v=DJjziQcOTo4>. Транскрипционные обозначения см. в Приложении.

ФК	**7**	что
ИА	**8** **9**	Квин . вот последнее что я слышала на: (с хором Турецкого?) //(нрзб)
ФК	**10** **11** **12** **13** **14** **15**	//так вот вы объясняйте что это был хор Турецкого пнимаете да . и: да но это был репертуар хора Турецкого и в этом концерте были все ремейки . назовите хоть одно произведение . в этом концерте в которое бы хор Турецкого спел как самостоятельное а что Басков пел не ремейки . исполняя Калинку-малинку или ((вдох)) Мурка: а: и все такое это как по вашему тоже нехватка репертуара как вы считаете
ИА	**16**	//(я не сказала что?)
ФК	**17** **18** **19** **20**	//а я считаю что это . я считаю что это тематический концерт в котором были исполнены и Куин и были исполнены и: Бамирбистушейн тоже и- и- песня на иврите вы:- обозначили . э:: количество огромное количество ремейков я вас прошу назвать это огромное количество
ИА	**21**	я сразу не назову//
ФК	**22** **23** **24** **25** **26** **27**	//ну так вы же отвечайте за свои слова . Я ВАМ НАЗОВУ ДВА РЕМЕЙКА В СВОЕМ РЕПЕРТУАРЕ . Ой мама шика дам и Вива ля дива а п. теперь я назову . список . оригинальных песен которые принесли мне популярность и за которые меня собсно говоря наверно за эти двадцать лет х: э:: народ уже: полюбил и уважает . ну вам начать список .ИЛИ ВАМ СНАЧАЛА КОЛИЧЕСТВО РЕМЕЙКОВ
ИА	**28**	никто не требует//
ФК	**29**	//значит пожалуйста . пожалуйста
ИА	**30**	(нрзб)//
ФК	**31** **32** **33**	//секундочку >вы отвечайте за свои слова я буду отвечать за свои< . значит начнем сначала . Атлантида . собственная песня . ((взгляд на ИА)) собственная песня . ЧЕ ВЫ МЕНЯ ФОТОГРАФИРУЕТЕ ВЫ СЛУШАЙТЕ .
ИА	**34**	я слушаю=
ФК	**35** **36**	= Атлантида дальше Тытыты . чья песня кто исполнял . Небо и земля кто исполнял . Дана Интернешнл . ш- ш-Таркан Рики Мартин . а
ИА	**37**	(Филипп я не пыталась умалить ваших заслуг и достоинств?)

ФК	**38**	Зайка моя кто . Марина . Я поднимаю свой бокал
ИА	**39**	(Филипп да мы знаем что вы великий?)
ФК	**40** **41** **42** **43** **44** **45** **46** **47**	да я знаю что я великий . да дальше кто . дальше дальше песни ремейки я ду- я жду в своем репертуаре исполнения . Небо и земля пошли дальше Я поднимаю свой бокал Марина Я не рафаэль это кто пел все Софи Лорэ:н . Тина Тёрнер Элтон Джо:н . а . все ((отворачивается от ИА)) я больше с вами не хочу разговаривать дальше следующий вопрос просто я не люблю разговаривать не с профессионалами пнимаете када говорят БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО РЕМЕЙКОВ (1) БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО РЕМЕЙКОВ=
Ж1	**48** **49** **50**	=третий канал эмтиви Настя к вам вопрос для вас Филипп что больше продюссер учитель гуру э: либо кумир рядом с которым вам очень нравится выступать . три позиции что больше (2)
АС	**51** **52** **53**	ну я не разделяю как-то эти вещи . он для меня и друг и кумир и учитель и продюссер х:: поэтому: что-то больше чему-то больше отдавать . ккое-то процентное отношение . я не могу
Ж1	**54**	Настя а вот вы чему уже научились от Филиппа Киркорова
ФК	**55**	ремейки делать
	56	((смех))
ФК	**57** **58**	я не хо<u>чу</u> чтобы вы меня фотографировали ((ручкой указывает на ИА)) вы мне надоели . меня раздражают ваша розовая кофточка ваши сиськи и ваш микрофон
	59	((смех))
ФК	**60**	да а
?	**61**	(нрзб)
ИА →	**62**	вы не против если я так и напишу
ФК	**63** **64** **65** **66** **67**	а . да мне- да мне по х** как вы напишете . также как и вы (2) я не люблю непро- непрофессионалов (1) непрофессионалам тут делать <u>не</u>чего >вы что хотите чтобы я щас ушел отсюда< я <u>уйду</u> (1) я не уй<u>ду</u> >потому что уважаю других ваших коллег< . а вы отсюда уйдете (3) все взяла и ушла ((мотает головой в сторону)) отсюда (2) встали и ушли

ИА	→	**68**	вы считаете вы ведете себя норма//льно
ФК		**69** **70** **71** **72** **73**	//ДА Я СЧИТАЮ НОРМАЛЬНО ВСТАЛА И УШЛА ОТСЮДА (3) ремейки ей видите ли . большое количество ((бросает ручку)) НА ПРЕСС КОНФЕРЕНЦИИ К ЗВЕЗДАМ НАДО ПРИХОДИТЬ ПОДГОТО:ВЛЕННЫМИ . А НЕ ТАК КАК ВЫ: . ВЧЕРА У ПОДВОРОТНИ А СЕГОДНЯ ЗДЕСЬ НА ВТОРОМ РЯДУ (1)
Ж2		**74**	(нрзб?)
ИА		**75**	у подворотни //(нрзб)
ФК		**76**	//все ДОСВИДАНИЯ
ИА		**77**	до свидания
ФК		**78** **79**	досьвиднь- ДАСЬВИДАНИЯ ГАВАРИТЕ СНАЧАЛА ДА на-научитесь гаварить //сначала па ру:ски да: да свидания все
ИА	→	**80**	//(а вы научитесь себя вести?) звезда
Ж2		**81**	(нрзб?)
ФК		**82**	да ((поворачивается к ИА?)) п**да

Представленное речевое взаимодействие распадается на два эпизода. Первый эпизод (строки 1–47) начинается с вопроса Ирины Ароян (строки 1–3). Как уже говорилось, с точки зрения теории вежливости, вопрос является действием, угрожающим негативному лицу адресата, ограничивающим его свободу действий, принуждая делиться информацией, вступать в контакт со спрашивающим и т. п. Тем не менее очевидно, что в данном контексте угроза оказывается несущественной: пресс-конференция предполагает вопросы ньюсмейкеру со стороны журналистов.

Однако формулировка *столь большое количество ремейков в вашем репертуаре* приводит к неожиданному развитию событий. Анализ действий Киркорова показывает, что эти слова журналистки он, вероятно, воспринял как угрожающие его социальному лицу — указывающие на его неполноценность в качестве популярного исполнителя. Ср. формулировку, которой Киркоров предваряет перечисление собственного репертуара оригинальных песен (строки 23–26):

(1) *а п. теперь я назову . список . оригинальных песен* ***которые принесли мне популярность*** *и* ***за которые меня собсно говоря наверно за эти двадцать лет х: э:: народ уже: полюбил и уважает***.

При этом Киркоров своими ответными действиями не просто отводит угрозу от собственного социального лица, но одновременно совершает действие, угрожающее социальному лицу задавшей вопрос журналистки — говорит о ее непрофессионализме[7]. Более того, эта угроза не просто не смягчается, но усиливается разнообразными средствами: просодическим оформлением, использованием прямых директивных речевых актов (строки 31, 33), резким завершением разговора (строки 44–45), влияющим одновременно и на негативное лицо журналистки (переводя ее из роли непосредственного адресата в роль члена аудитории, т. е. ограничивая интеракционный статус и, тем самым, свободу действий), и на ее позитивное лицо (показывая, что говорящий считает ее недостойной того, чтобы продолжать с ней разговор). При этом объяснение, которое дается завершению эпизода

(2) *просто я не люблю разговаривать не с профессионалами*

опять-таки усиливает угрозу (позитивному) социальному лицу: в качестве причины инцидента и его резкого завершения, говорящий ссылается на свойства собеседника, выставляющие его в невыгодном свете.

Нужно сказать, что описанные действия Киркорова довольно точно соответствуют семантической экспликации, которую А. Вежбицка предложила для описания иллокутивной силы оскорбления *You X! [neg]* (*idiot* / *fool* / *liar* и т. п.): говорящий считает, что адресат совершил нечто плохое, и хочет, чтобы адресат знал о негативных чувствах говорящего, связанных с действием адресата; чтобы сообщить об этом адресату, а также для того, чтобы адресат почувствовал себя плохо, говорящий произносит определенное высказывание [Wierzbicka 1991: 232–233].

Вместе с тем нужно отметить еще одно обстоятельство. Как видно из транскрипции, Ароян несколько раз пытается остановить Киркорова, уточнить смысл собственного высказывания

[7] Можно заметить, что и предполагаемый Киркоровым смысл реплики Ароян, и высказывания самого Киркорова в ее адрес объединены одной общей темой — несоответствия исполнителя исполняемой социальной роли (популярного певца, профессионального журналиста). Отметим и то, что это согласуется с интерпретацией Гофманом потери социального лица как выявления несоответствия между поведением индивида и тем образом, на который он в данном взаимодействии претендует [Goffman 1967: 9].

и завершить разговор на эту тему (строки 16, 28, 37)[8]. Однако она не оспаривает сами его действия и не показывает сколько-нибудь явно, что эти действия для нее неприемлемы.

Теперь обратимся к анализу второго эпизода (строки 54–82). Он начинается с иронического замечания Киркорова, возвращающего взаимодействие к инциденту, который казался исчерпанным[9].

Может показаться, что следующее за этим непосредственное обращение Киркорова к Ароян (строки 57–58) не отличается от его действий в первом эпизоде. Он точно так же никак не смягчает выражение негативных эмоций по отношению к адресату, но подчеркнуто усиливает их, направляя на адресата, что выражается и вербально (*вы мне надоели* — ср. **мне надоело… , *мне не нравится…*), и невербально — указательным жестом (строка 57)[10].

Однако есть и существенное отличие между первым и вторым эпизодом. Если в первом эпизоде основной темой был некорректный с точки зрения Киркорова вопрос Ароян и ее непрофессионализм, то в возобновившемся диалоге темой становятся внешние характеристики журналистки, которые к контексту — вопросу, заданному ИА вначале, и ее профессиональным качествам — не имеют отношения.

И эта разница оказывается значимой для Ароян, о чем позволяет судить ее ответная реакция (строка 62):

(3) *вы не против если я так и напишу.*

---

[8] Отметим, что все эти попытки Киркоров игнорирует или отвергает (строка 31), не давая тем самым возможности для «мирного» завершения речевого обмена.

[9] Можно предположить, что данная реплика Киркорова связана с предшествующими действиями: как следует из формулировки, она является реакцией на фотографирование. При этом само по себе фотографирование, с одной стороны, не является коммуникативным действием, а с другой — является вполне уместным в контексте пресс-конференции. Впрочем, стоит отметить, что Ароян фотографирует Киркорова после того, как тот снова отпускает иронический комментарий, направленный на нее.

[10] Ср. в связи с этим стратегию имперсонализации, которую Браун и Левинсон выделили в качестве стратегии поддержания негативного лица. Она выражается, в частности, в избегании или плюрализации местоимений 1-го и 2-го лица, использовании пассивного залога и безличных конструкций, использовании вежливых форм обращения («отклоняющихся» от «прямой» формы: показателей 2-го лица единственного числа) [Brown, Levinson 1987: 192–206]).

Если говорить о прагматике этого высказывания, то оно является угрозой Киркорову (а не, например, просьбой), которая может быть переформулирована следующим образом:

> *я хочу, чтобы вы знали, что я опубликую / могу / собираюсь опубликовать то, что вы сейчас сказали, т. е. придать ваши слова широкой огласке.*

т. е. в отличие от действий журналистки в первом эпизоде, направленных на то, чтобы извиниться и уточнить смысл своего высказывания, данная реплика является действием, где есть целенаправленная (в отличие от вопроса, заданного в самом начале) угроза социальному лицу Киркорова: обещание совершить некоторое действие, опасное для его репутации в будущем[11].

Но в данном случае важно, что само по себе появление угрозы указывает на то, что предшествующее действие оказывается в каком-то смысле ненормальным для Ароян. Для сравнения можно вспомнить, что в предыдущих случаях комментарии Ароян относились к ее собственным словам:

(4) *я не сказала что*

(5) *никто не требует*

(6) *я не пыталась умалить ваших заслуг и достоинств.*

Во втором же эпизоде она комментирует высказывания и действия собеседника (строки 62, 68, 80):

(7) *вы не против если я* ***так*** *и напишу*

(8) *вы считаете вы* ***ведете*** *себя нормально*

(9) *(а вы* ***научитесь себя вести****?).*

Как можно заметить, все эти комментарии во втором эпизоде содержат метапрагматический аспект (т. е. показывают, как прагматику действий Киркорова поняла Ароян), который отличается от комментариев первого эпизода и суть которого сводится к указанию на неприемлемость и ненормальность действий Киркорова.

---

[11] При этом можно заметить, что в каком-то смысле эта угроза является избыточной. Кажется, что подобный инцидент имел более чем вероятные шансы стать отдельным информационным событием.

Если участник взаимодействия заметил такого рода указания, то возможны по крайней мере две реакции на них. Первое возможное продолжение состоит в том, что участник может попытаться «отыграть назад» после подобных указаний: извиниться, уточнить смысл своего действия, переформулировать высказывание и т. п., как, например, это делает Ароян в первом эпизоде; ср. уточнение (строка 37):

(10) *я не пыталась умалить ваших заслуг и достоинств.*

Другое возможное продолжение состоит в том, что участник взаимодействия отвергает указания на неприемлемость. Именно это продолжение и выбирает Киркоров. Однако важно то, что он при этом учитывает эти указания со стороны Ароян, хотя и не принимает их. Это видно не только в ответе Киркорова (строка 69):

(11) *ДА Я СЧИТАЮ НОРМАЛЬНО*,

но и в том, что своим неприемлемым для Ароян действиям он дает объяснения (хотя и возлагает при этом ответственность на журналистку — ее неподготовленность, непрофессионализм: строки 64–66, 70–73). Эти объяснения указывают на то, что сам говорящий воспринимал собственные действия как требующие объяснений или оправданий, т. е. как не вполне «нормальные».

4. Заключение

Нередко высказываются опасения по поводу произвольности и субъективности тех или иных трактовок при анализе спорных речевых произведений, в том числе и самими лингвистами-экспертами. Так, например, К. И. Бринев писал: «В теории судебной лингвистической экспертизы, а также при производстве конкретных экспертных исследований, собственно лингвистическое исследование речевого поведения говорящего зачастую „смешивается“ с психологической категорией потенциальной обидности речевого произведения, за которой, очевидно, стоят достаточно субъективные представления эксперта о том, какие из инвективных средств могут обидеть адресата, а какие — нет» [Бринев 2011: 330].

Однако, на мой взгляд, проблема субъективности связана не только с опасностью смешения обыденной («наивной») перспективы и экспертного знания. Некоторая произвольность имеет место и в том случае, когда границы допустимого для «наивных»

носителей определяются исследователем на основании принадлежности участников взаимодействия к определенным слоям или выполнения определенных социальных ролей.

Даже в тех случаях, когда подобное допущение справедливо, степень актуальности тех или иных параметров внелингвистического контекста, а также связанные с ними пресуппозиции и установки участников могут меняться по ходу взаимодействия, хотя сами параметры, как подчеркивал Дж. Гамперц [Gumperz 1977: 192], остаются теми же самыми. Нечто подобное, как я попытался показать в ходе анализа, имеет место в представленном эпизоде взаимодействия. Хотя роли и статусы участников ситуации остаются неизменными, а действия одного из них и в первом, и во втором эпизоде несут существенную угрозу социальному лицу другого, отношение к этим действиям и само определение ситуации для участников изменяется, причем существенно. Во втором эпизоде действия одного из участников с точки зрения другого выходят за рамки допустимого (в отличие от первого эпизода), и этот выход за рамки сам становится темой взаимодействия, т. е. оказывается событием, актуальным для его участников.

В связи с этим важно подчеркнуть два момента. Во-первых, перспектива участников взаимодействия является не *субъективной*, а *интерсубъективной*. Во-вторых, эта *интерсубъективная* перспектива может быть описана в ходе *объективного* анализа последовательности, которую составляют коммуникативные действия участников.

Транскрипционные обозначения

// — место наложения двух реплик участников друг на друга, когда они начинают говорить одновременно;

. — точкой отмечена пауза менее секунды;

а: — двоеточие указывает на увеличенную по сравнению с обычной протяженностью звука;

объясн<u>ня</u>йте — подчеркивание обозначает, что говорящий просодически выделяет данное слово или его часть;

(с хором Турецкого?) — в скобки с вопросительным знаком в конце взяты слова говорящих, которые недостаточно хорошо слышны, поэтому нет уверенности в том, что именно их произнес говорящий;

((вдох)) — в двойных скобках даются комментарии по поводу невербальных действий участников;

Я ВАМ НАЗОВУ — заглавными буквами обозначается повышенная громкость высказывания, слова или его фрагмента;

> … < — ломаные скобки, обернутые внутрь, обозначают, что слова были произнесены с более высокой скоростью по сравнению с тем, как они произносятся в данном взаимодействии;

= … = — знаки равенства в начале и в конце реплик обозначают, что эти две реплики следуют сразу же друг за другом, без минимальной паузы;

ду- — дефис, примыкающий к слогу или слову, обозначает резкий обрыв при произнесении;

(1) — цифры в круглых скобках обозначают длительность паузы, если она превышает секунду.

Литература

Базылев и др. 2004 — В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации // А. К. Симонов, М. В. Горбаневский (ред.). Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медея, 2004. С. 9–116.

Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2007.

Бринев 2011 — К. И. Бринев. Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт // Н. Д. Голев, К. И. Бринев (ред.). Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2011. С. 330–338.

Бринев 2017 — К. И. Бринев. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. М.: Флинта; Наука, 2017.

Жельвис 2004 — В. И. Жельвис. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // А. К. Симонов, М. В. Горбаневский (ред.). Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медея, 2004. С. 289–298.

Изотова и др. 2016 — Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № (41). С. 92–98.

Корбут 2015 — А. М. Корбут. Говорите по очереди: нетехническое введение в конверсационный анализ // Социологическое обозрение. 2015. № 14 (1). С. 120–141.

Руднева 2016 — Е. А. Руднева. Антропология вежливости: общекультурные и локальные нормы взаимодействия // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 215–242.

Стернин и др. 2013 — И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2013.

Утехин 2013 — И. В. Утехин. Невопросительные вопросы и интеракционный подход к контексту // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2013. Т. IX. Ч. 3. С. 81–95.

Цена слова 2002 — М. В. Горбаневский (ред.). Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд., испр. и доп.. М.: Галерея, 2002.

Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. Levinson. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1987.

Drew, Heritage 1995 — P. Drew, J. Heritage. Analyzing talk at work: an introduction. // P. Drew, J. Heritage (eds.). Talk at Work: Interaction in Institutional Settings. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1995. P. 3–65.

Duranti, Goodwin 1992 — A Duranti, Ch. Goodwin. Rethinking context: an introduction. // A. Duranti, Ch. Goodwin (eds). Rethinking Context. Language as an Interactive Phenomenon. (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language, vol.11). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.

Goffman 1967 — E. Goffman. On face-work // E. Goffman. Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. New York: Pantheon Books, 1967. P. 5–46.

Gumperz 1977 — J. Gumperz. Sociocultural Knowledge in Conversational Inference // M. Saville-Troike (ed.). 28th Annual Round Table Monograph Series on Languages and Linguistics. Washington, DC: Georgetown University Press. P. 191–212.

Heritage 1984 — J. Heritage. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge, New York: Polity Press, 1984.

Levinson 1983 — S. Levinson. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Stivers 2013 — T. Stivers. Sequence organization // J. Sidnell, T. Stivers (eds.). The handbook of conversation analysis. Malden, MA: Wiley-Blackwell. P. 191–209.

Wierzbicka 1991 — A. Wierzbicka. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.

References

Baranov 2007 — A. N. Baranov. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika [Linguistic expertise of the text: theory and practice]. Moscow: Flinta; Nauka, 2007.

Bazylev et al. 2004 — V. N. Bazylev, Yu. A. Belchikov, A. A. Leontyev, Yu. A. Sorokin. Ponyatiya chesti i dostoinstva, oskorbleniya i nenormativnosti v tekstakh prava i sredstv massovoy informatsii [The notions of honour and dignity, insult and obscenity in legal and mass-media texts]. A. K. Simonov, M. V. Gorbanevskiy (eds.). *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: Spornyye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami*. [Concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and assessment by lawyers and linguists]. Edition 2, revised and enlarged. Moscow: Medeya, 2004. P. 9–116.

Brinev 2011 — K. I. Brinev. Problema ekspertnoy otsenki oskorbleniya. Oskorblenie v pravosoznanii lingvista. Oskorblenie kak rechevoy akt [The problem of expertise of an insult. An insult and linguist's sense of justice. An insult as speech act]. N. D. Golev, K. I. Brinev (eds.). *Yurislingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Juridical linguistics-11: Law as a discourse, text and word]. Kemerovo: Kemerovo State University Press, 2011. P. 330–338.

Brinev 2017 — K. I. Brinev. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: metodologiya i metodika. [Forensic linguistics: methods and methodology]. Moscow: Flinta; Nauka, 2017.

Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. Levinson. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1987.

Drew, Heritage 1995 — P. Drew, J. Heritage. Analyzing talk at work: an introduction. P. Drew, J. Heritage (eds.). *Talk at Work: Interaction in Institutional Settings*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1995. P. 3–65.

Duranti, Goodwin 1992 — A. Duranti, Ch. Goodwin. Rethinking context: an introduction. A. Duranti, Ch. Goodwin (eds). *Rethinking Context. Language as an Interactive Phenomenon*. (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language. Vol. 11). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.

Goffman 1967 — E. Goffman. On face-work. E. Goffman. *Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior*. New York: Pantheon Books, 1967. P. 5–46.

Gumperz 1977 — J. Gumperz. Sociocultural Knowledge in Conversational Inference. M. Saville-Troike (ed.). *28th Annual Round Table Monograph Series on Languages and Linguistics*. Washington, DC: Georgetown University Press. P. 191–212.

Heritage 1984 — J. Heritage. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge, New York: Polity Press, 1984.

Izotova et al. 2016 — T. M. Izotova, V. O. Kuznetsov, A. M. Plotnikova. Metodika provedeniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy po delam ob oskorblenii. [Methodology of Forensic Linguistic Analysis in Criminal Insult Investigations]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 2016. No. 1 (41). P. 92–98.

Korbut 2015 — A. M. Korbut. Govorite po ocheredi: netekhnicheskoe vvedenie v konversatsionnyy analiz [Turn-Talking: Non-technical Introduction to Conversation Analysis]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2015. No. 14 (1). P. 120–141.

Levinson 1983 — S. Levinson. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Rudneva 2016 — E. A. Rudneva. Antropologiya vezhlivosti: obshchekulturnye i lokalnye normy vzaimodeystviya Anthropology of Politeness: Cultural and Local Interaction Norms]. *Antropologicheskiy forum*. 2016. No. 30. P. 215–242.

Sternin et al. 2013 — I. A. Sternin, L. G. Antonova, D. L. Karpov, M. V. Shamanova. Vyyavleniye priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta [Detection of markers of denigration of the honor, dignity, derogation of business reputation and insult in forensic linguistics]. Yaroslavl: P. G. Demidov Yaroslavl State University Press, 2013.

Stivers 2013 — T. Stivers. Sequence organization. J. Sidnell, T. Stivers (eds.). *The handbook of conversation analysis*. Malden, MA: Wiley-Blackwell. P. 191–209.

Tsena slova 2002 — M. V. Gorbanevskiy (ed.) Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii. [The Words' Value: Linguistic Expert Opinion Requested in Connection with Honor, Dignity and Business Reputation Defense, Claims Against the Media]. Moscow: Galeriya**,** 2002.

Utekhin 2013 — I. V. Utekhin. Nevoprositelnye voprosy i interaktsionnyy podkhod k kontekstu [“Non-Interrogative” Questions and Interactional Approach to Context]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN.* 2013. Vol. IX. Pt. 3. P. 81–95.

Wierzbicka 1991 — A. Wierzbicka. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.

Zhelvis 2004 — V. I. Zhelvis. Slovo i delo: yuridicheskiy aspekt skvernosloviya [Word and deed: legal aspect of foul language]. A. K. Simonov, M. V. Gorbanevskiy (eds.). *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: Spornyye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami*. [Concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and assessment by lawyers and linguists]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Medeya, 2004. P. 289–298.